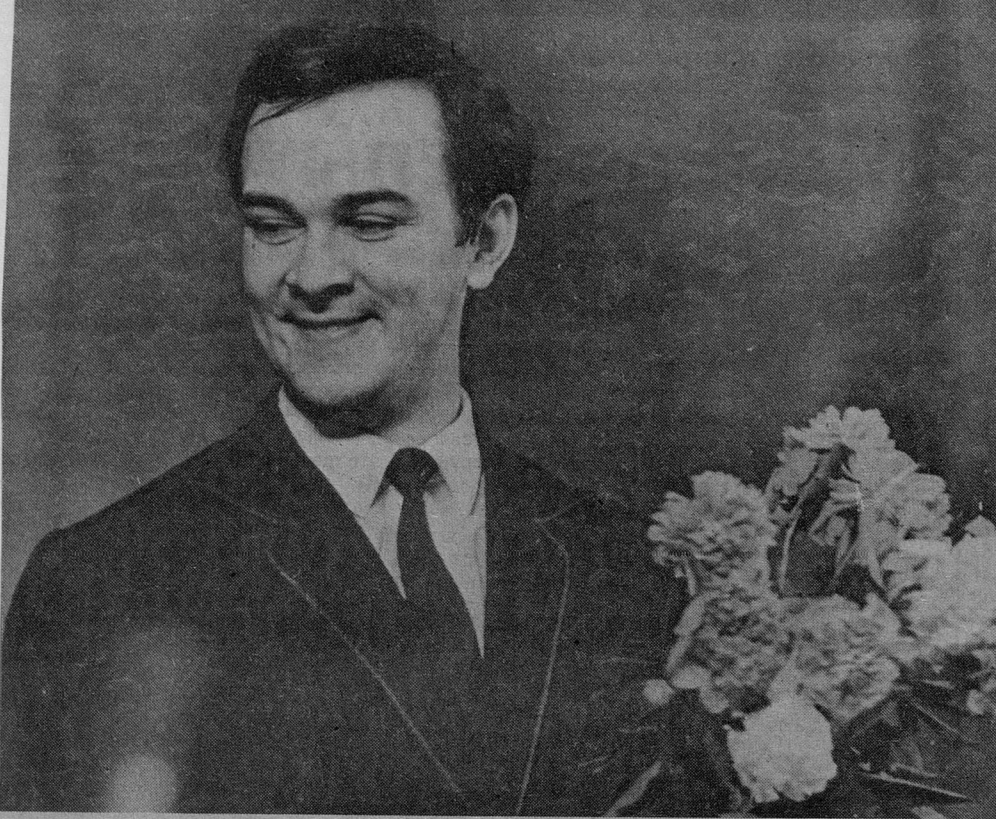

В СЕМЬЕ МУСЛИМА И ТАМАРЫ МНОГО МУЗЫКИ И ЛЮБВИ

В дом к Муслиму Магомаеву я шла с особым волнением, потому что еще тридцать лет назад стала частью его публики. Да и какая девчонка шестидесятых не замирала, когда на экране телевизора появлялся этот восточный красавец с изумительным голосом!

Шли годы, чрезмерно экзальтированные поклонники переключали свое внимание на новых кумиров, а неизменная «часть публики» Магомаева, повзрослев вместе с ним, с прежним восхищением внимала его дару. И вот уже золотой юбилей отмечает певец и артист. Накануне торжественного вечера, который состоялся 21 сентября в концертном зале «Россия», захотелось пригласить Муслима Магомаева в наш клуб встреч.

Был у меня и еще один повод для волнения, когда я открывала дверь магомаевского подъезда. Я знала, что его жена — народная артистка СССР, солистка Большого театра Тамара Синявская — начинала свою певческую карьеру в детском хоре В. С. Локтева. А я с небольшой разницей во времени тоже пела в этом хоре, и в моей сумке лежали фотографии, которые не могли не заинтересовать приму-вокалистку.

Мы и не расслышали, как на кухню, где мы расположились, вошел Муслим Магомаев и тихонько склонился над столом с фотографиями.

— Муслим, смотри, какая у тебя жена была, — Тамара, смеясь, протянула фотографии, и Муслим (отчество не идет этому подтянутому, загорелому мужчине) улыбается своей неотразимой улыбкой.

— Вы не возражаете, если разговор мыведем здесь? — Магомаев кивает на стул в уютной кухне, приглашая садиться.

— Ах вот как, вы покусаетесь на мой кабинет! — Тамара шутиливо-сердито смотрит на мужа, а мне становится сразу очень домашнему симпатично в этой милой квартире. — Не помешает вам, если вмешаться в разговор? — спрашивает хозяйка.

— Вот так, всегда ты вмешиваешься, — как бы ворчит Магомаев, а я прошу рассказать певца, с чего все началось у него, ибо с Тамарой ясно: шесть лет привели ее к Локтеву.

Муслим Магомаев, что, возможно, многим известно, внук классика азербайджанского музыкального искусства, композитора и дирижера Муслима Магомаева, в честь которого названа Азербайджанская филармония. Поэтому мальчик еще в детстве был известен как «внук Магомаева», и это в сущности определило его дальнейшую судьбу: музыкальная школа при консерватории, желание стать композитором.

— Я представлял себя дедом, делал пюпитр, ставил какие-то ноты и начинал дирижировать, — вспоминает Муслим. — Хотя

петь всегда любил и в школьном хоре был даже солистом — звонким таким сопрано выделялся.

— С возрастом голос у меня стал меняться, — продолжает Муслим. — Собственно, когда я его почувствовал, сбежал из школы и поступил в вокальный кружок моряков у себя дома, в Баку.

— И через некоторое время стал бакинским знаменитостью, — лукаво добавляет Тамара. Что соответствует действительности, ибо шестнадцатилетний юноша, обладатель яркого баритонального баса, пел на различных бакинских площадках, вызывая у публики шумный и неизменный успех.

— Нужно было серьезно учиться вокалу, и я решил поступить в музыкальное училище, — рассказывает Муслим. — А еще до этого брал уроки у замечательного педагога Сусанны Аркадьевны Микаэлян, преподавательницы Бакинской консерватории. В училище я недолго прозанимался: педагог черт-те что с моим голосом делал. Вернулся снова к бескорыстной помощи Сусанны Аркадьевны.

— Школу не закончил, училище не закончил. Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... — шутиливо подначивает Тамара мужа.

— Извини, консерваторию я все же закончил, экстерном, за год. Педагоги пошли мне навстречу, освободив от истории партии, диамата и прочего о-о-чень «нужного», — он делает «строгое» лицо, а глаза по-мальчишески смеются.

— Скажите, а кто послал вас на стажировку в Италию? — спрашиваю я. — Москва помнит тот незабываемый концерт в Большом (мне посчастливилось на нем быть), когда молодой Магомаев в числе стажеров Ла Скала потрясал публику своим итальянским бельканто.

— Но сначала был триумф после концерта в Кремлевском Дворце съездов в рамках фестиваля азербайджанской культуры, — напоминает Тамара.

Как же забыть того худого мальчика в пиджаке с короткими рукавами, который в один вечер покорила публику «Бухенвальдским набатом»!

— Муслим Магомедович, а правда ли, что вы, создав себе вот этот имидж — пиджачок с короткими рукавами, — прочно ему следовали?

— Какой там имидж, — усмехается Магомаев. — У меня был один пиджак на все случаи жизни, в котором я и приехал в Москву на декаду азербайджанского искусства. Пальто, более-менее приличное у товарища одолжил...

— У вас, наверное, много друзей? Он задумывается, прищурившись. Тамара, перевернув на сковородке очередной ломтик баклажана, говорит:

— Гостей Муслим принимает с чисто во-

сточным размахом, это, пожалуй, единственное, что выдает в нем восточного человека.

— Тамара, речь идет о друзьях, — Магомаев зажигает очередную сигарету (а я думала, что певцы не курят; правда, он сам ругает себя за эту привычку. Одарил же его Господь: курит давно, а голос, голос!)

— Нет, друзей немного, — говорит он твердо. — Время все ставит на свои места, и те, кто остался после пика славы, вот те друзья настоящие.

— Так я не поняла, — спрашиваю, — кто вас в Италию направил?

— Фурцева направила, уже после «Бухенвальдского набата». Сегодня разве что ленивый не проходит по застойным годам, но, между прочим, Фурцевой многие должны быть благодарны.

— Она артистов любила, — подключается Тамара. — И вообще, что значит застойные годы? Застой был в общественной жизни, в системе, но только не в искусстве. Вы вспомните, какие произведения во всех областях искусства были созданы!

— Муслим Магомедович, а как вы относитесь к идеологическим песням, к правительственным концертам, так сказать, партийным поручениям, в которых часто принимали участие?

— В свое время в театре мне предлагали вступить в партию, — Тамара прищуривает

жом кармане?)

— Вот-вот, у многих, наверное, создавалось впечатление, что Магомаев миллионер. А я за концерт получал 60 рз с вычетами... На жизнь хватало, на гостей, на кутежи какие-то — я человек, как и все. Что же касается накоплений, ничего у меня нет!

Звонит телефон. Тамара бросает сковородку и заступает на «вахту» менеджера. Переговоры о гастролях и выступлениях мужа ведет она.

— У нее это лучше получается, — поясняет Муслим. — Я человек безрежимный, свободный художник. А Тамара работает в театре, ведет дневник, регулирует расписание, мое тоже.

— Трудно жить с женой — известной певицей?

— Не представляю, если бы моя жена была кем-то другим. Шахматисткой, например, и день изо дня, склонившись над доской, передвигала бы фигуры... — смеются оба, искренне и весело.

— У него есть уши и вкус, которым я очень доверяю, — вступает Тамара.

— А как вы относитесь к критике?

— К критике отношусь плохо по причине почти полного отсутствия профессионалов в этой области. В большинстве своем люди на страницах газет сводят счеты друг с другом.

— Примером тому можно назвать эти бесконечные разборки ситуации с Большим театром, — добавляет Синявская. — Грязи вывалено много, а сути нет.

— Тамара, позвольте вопрос к вам: ваш муж прихотлив, капризен? Все-таки знаменитость да еще восточный человек.

— Мне очень повезло и в этом смысле: он совершенно неприхотлив в еде, абсолютно некапризен.

— Да-да, — улыбается Магомаев. — Конечно, люблю всю восточную пищу. Но самые любимые блюда — борщ и котлеты.

— Кстати, в свободное время я все еще учу себя быть хозяйкой, вот уже восемнадцать лет, — «горестно» вздыхает Тамара.

Мне же кажется, что котлеты и борщ ей удаются не меньше «Хабанеры», судя по тому, как она артистично готозит ужин.

— Телевизор часто смотрите?

— Художественное вещание охотно. Политические программы в последнее время удручают. Ну, в самом деле, «Новости» я бы назвал «Плохие новости», «Вести» — «Плохие вести», — снова закуривает Магомаев. — Ведь есть же в жизни и какие-то светлые стороны, не может их не быть! Почему же во все времена такая прямолинейность! Раньше нас все время вели к коммунизму, теперь только и слышно, что нас ведут к пропасти.

— Ты знаешь, — Тамара кладет руку на плечо мужа, — Москва — моя родина, мой город. Я родилась и выросла в центре. Мой дом пионеров с локтевским ансамблем был в переулке Стопани, на Кировской. Как мы любили гулять по Москве, особенно по этим родным для меня местам! А теперь не люблю. Не потому, что узнают, да и узнавать стали реже — все бегом, бегом, по сторонам люди уже не смотрят, больше под ноги себе. Стала бояться Москвы. Какие-то чужие лица, нет тех лиц, которые окружали меня раньше...

— Муслим, Тамара, но ведь есть же что-то, что дает силы, что радует?

— Вот наша радость! — Тамара прижимает к щеке сонного пуделя Чарлика. — А если серьезно, то это наше пение, наше искусство. Пусть мы работаем за символическую плату — смешно сказать, солистка Большого театра получает вдвое меньше водителя троллейбуса! Пусть у нас много сложностей с хваткой денег на постановки, но...

— Но, — продолжает Муслим, — ни с чем и никогда нельзя сравнить счастье встречи с публикой. На мои концерты приходит моя публика. Я не имею права обмануть ее ожидания. Не имею права растоптать ее любовь, уехав куда-нибудь, где получше платят и повкуснее кормят. Какое дело моим зрителям до моего настроения! Я профессионал, и если у меня на душе плохо, зрителям после концерта все равно должно быть хорошо. А когда хорошо им — и я счастлив.

...Как быстро пролетели эти часы в доме Муслима и Тамары. Как незаметно промчались эти тридцать лет, с тех пор, когда юный певец покорила сначала столицу бывшего СССР, потом всю страну, зарубежье. Только жизнь-то не закончена! Он выйдет, храсивый, во фраке, к роялю, и публика замрет в едином порыве восхищения, когда изумительно-неповторимый голос сверкнет, словно луч, напоминая о солнце, счастье и настоящей, большой радости общения с искусством.

